
КОНСТРУКЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ

И.Г. Ясавеев

В статье описывается конструкционистский подход к социальным проблемам, рассматриваются его сильные стороны в сопоставлении с традиционными подходами – функционалистским, марксистским и др. Конструкционистский подход позволяет найти ответ на вопрос, не разрешимый в рамках традиционных подходов, – почему одни ситуации вызывают беспокойство, определяются как проблемы и находятся в центре внимания политиков, журналистов, общественности в целом, а другие, не менее опасные и угрожающие, не проблематизируются? Кроме того, данный подход может использоваться в качестве технологии конструирования социальных проблем в области политики, включая социальную политику, и в сфере управления коммуникацией (PR).

Ключевые слова: социальная проблема, выдвижение утверждений-требований, строгий конструкционизм, контекстуальный конструкционизм, пропускная способность арен публичного дискурса, конкуренция между социальными проблемами, критерии отбора социальных проблем на аренах публичного дискурса

Традиционные подходы к социальным проблемам и конструкционизм

Традиционно под социальными проблемами понимались и понимаются некоторые «объективные» социальные условия – нежелательные, опасные, угрожающие, противоположные природе «социально здорового», «нормально» функционирующего общества. В рамках подобного рода подходов социальные проблемы рассматривались как социальная патология, социальная дезорганизация, дисфункции, социальные противоречия, структурные напряжения и т. д. Задача социологов с такой традиционной точки зрения заклю-

чается в том, чтобы *выявить* эти вредные условия, *проанализировать* их, *установить* те *социальные силы*, которые способствовали их возникновению, и, возможно, *предложить* определенные *меры по исправлению данных ситуаций*. Традиционные подходы, таким образом, являются *объективистскими*, трактующими социальные проблемы как социальные условия. Такое отношение настолько сильно укоренилось в сознании обществоведов, что без определенного мыслительного усилия представлять социальные проблемы, например преступность, безработицу, употребление наркотиков, распространение ВИЧ/СПИДа, загрязнение окружающей среды, иначе как социальные условия, характеризующиеся такими показателями, как уровень преступности, темпы ее роста, численность безработных, людей, употребляющих наркотические вещества, людей с ВИЧ и т. д., подчас бывает довольно трудно.

Традиционные подходы к социальным проблемам были подвергнуты в последней трети XX века серьезной критике, лейтмотив которой заключался в том, что объективистская трактовка не способствует пониманию процессов, связанных с возникновением и существованием социальных проблем, и развитию такой области исследования, как *социология социальных проблем*. Суть критических замечаний сводилась к следующему. Во-первых, социологи, как указывал Г. Блумер, сами по себе не способны выявить, идентифицировать социальную проблему. Социологи распознают и начинают анализировать те или иные социальные проблемы только после того, как общество признает, что эти проблемы существуют. «Социологическое признание социальных проблем идет в кильватере общественного признания, меняя направление вместе с ветром общественной идентификации социальных проблем» [Блумер, 2001. С. 150–151]. Действительно, если мы обратимся, в частности, к российским научным журналам, монографиям и сборникам, то заметим, что в большинстве случаев социологи, выбирая предмет исследования, следуют определенной конъюнктуре. Предметом изучения, как правило, становятся ситуации, уже имеющие статус серьезных социальных проблем в обществе (преступность, бедность, безработица, употребление наркотиков, терроризм и т. д.). В то же время пока существует очень немного социологических работ, например, о социальных аспектах ВИЧ/СПИДа. Определенное влияние на выбор предмета исследования оказывают научные фонды, обозначающие приоритетные для них темы.

Во-вторых, объективистская теория, считающая социальные проблемы простыми отражениями объективных условий, «не может объяснить, почему одни условия определяются как проблемы, привлекая к себе самое серьезное общественное внимание, тогда как другие, одинаково пагубные или опасные, остаются без подобного определения» [Хилгартнер, Боск, 2000. С. 18].

Например, почему, несмотря на то, что ежегодно в России 14 тыс. женщин погибают в результате домашнего насилия, это не является предметом

значительного общественного внимания и беспокойства? По данным исследования, проведенного Советом женщин МГУ в 2002–2003 годах в семи регионах России, половина женщин хотя бы однажды подвергались физическому насилию со стороны мужей: 41 % мужей как минимум один раз ударили своих жен, при этом 27 % женщин мужья били неоднократно и 3 % женщин мужья избивают раз в месяц и чаще. Допускают, что муж может их ударить 60 % женщин. Более 70 % замужних женщин испытывают при общении с мужем такие чувства, как напряжение, тревога, неуверенность в себе, бессилие, зависимость. В то же время, как отмечают авторы исследования, «в широком спектре социальных проблем, стоящих перед российским обществом, проблема насилия в отношении женщин не снискала адекватного внимания» [Домашнее... 2003. С. 49–50].

Другой пример. В 2003 году в России в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП) погибло 35 602 человека, ранение получили 243 919 человек [Общее количество... 2003]. Число смертей в результате ДТП превышает число убийств и покушений на убийство, совершаемых в России. В данном случае мы можем использовать официальную статистику как достаточно точные показатели, поскольку убийства – это наименее латентный вид преступности, а смертность и ранения в результате ДТП регистрируются почти полностью. Положение с ДТП и их последствиями устойчиво ухудшается. В 2002 году в результате ДТП погибло 33 243 человека, а ранено было 215 678 человек [Общее количество... 2002]. В 2001 году смертей было меньше по сравнению с 2002 годом на 7,5 %, а раненых – почти на 15 %. Почему, несмотря на столь значительный, ежегодно растущий масштаб этой ситуации, дорожно-транспортные происшествия и их последствия не являются признанной социальной проблемой в российском обществе, о них редко говорят и пишут журналисты и практически ничего не говорят политики?

Еще один пример: уровень потребления алкоголя на душу населения в России в 2002 году составил 14,5 литров чистого алкоголя [Осипов, 2003. С. 129], почти вдвое превышая безопасный порог, установленный Всемирной организацией здравоохранения (8 литров). Почему эта ситуация не вызывает общественного беспокойства?

Такой же вопрос можно задать в отношении темпов распространения ВИЧ-инфекции в России. По состоянию на 1 января 2004 года в России было выявлено 263 613 случаев инфицирования ВИЧ [Официально... 2004], тогда как к 1 января 1996 года было выявлено лишь 1090 случаев ВИЧ. Реальное число людей с ВИЧ в России, по оценкам экспертов, представленным общественности в сентябре 2003 года, может составлять около 1,5 млн человек, то есть более 1 % всего населения [Офитова, Уколов, 2003]. Таким образом, 8 из 10 человек с ВИЧ-инфекцией в России не знают о том, что они инфицированы. Однако, отвечая в рамках общероссийского обследования ВЦИОМа на вопрос «Какие из следующих проблем нашего обще-

ства тревожат вас больше всего, и вы считаете их самыми острыми?», лишь 19,4 % респондентов в январе 2003 года выбрали вариант «рост заболеваемости СПИДом», при этом данная проблема оказалась на тринадцатом месте, далеко отстав от таких проблем, как «рост цен», «рост безработицы», «бедность, обнищание большинства населения» [Мониторинг... 2003. С. 84].

Наконец, почему повсеместное нарушение прав военнослужащих в российской армии, включая издевательства, оскорбления и избиения, является проблемой только для родителей солдат и призывников и для правозащитников, хотя краткосрочные и долгосрочные социальные последствия насилия в армии огромны?

И такие вопросы можно сформулировать в отношении множества явлений, включая коррупцию, ввоз ядерных отходов, использование пыток в практике работы правоохранительных органов, численность и условия содержания заключенных в России и т. д. Найти ответы на эти вопросы в рамках традиционных (функционалистского, марксистского и пр.) подходов невозможно.

В-третьих, объективистские подходы срывают попытки создать такую область анализа, как социология социальных проблем, очертить ее предмет, разработать общую теорию социальных проблем, поскольку ведут к анализу социальных условий, связанных друг с другом лишь тем, что они оцениваются как нежелательные. Сами по себе эти условия имеют между собой мало общего, поэтому понимание какого-либо одного условия почти не способствует пониманию других [Полач, 2000. С. 9]. Для того чтобы убедиться в обоснованности последнего замечания, зададимся вопросом: что общего, например, между такими социальными условиями в России, как преступность, бедственное положение людей с ограниченными физическими возможностями, безработица, загрязнение окружающей среды, употребление наркотиков, распространение туберкулеза и ВИЧ, коррупция, бездомность? Очевидно, что знание преступности ничем не поможет нам при анализе ситуации с загрязнением окружающей среды или распространением ВИЧ. Таким образом, использование объективистских подходов ведет к тому, что социология социальных проблем «рассыпается» на ряд отдельных направлений – исследование социальной проблемы бедности, исследование проблемы преступности, изучение бездомности и т. д.

Альтернативой традиционному объективистскому пониманию социальных проблем является конструкционистский подход. Его основные идеи были сформулированы М. Спектором и Дж. Китсюзом в 1970-е годы [Spector, Kitsuse, 1973a; Spector, Kitsuse, 1973b; Spector, Kitsuse, 1977]. Сущность этих положений заключается в полном отказе от объективного социального условия как составляющей социальной проблемы. «Всякое определение социальных проблем, которое начинается словами: “социальные проблемы – это те условия...”, ведет в концептуальный и методологический тупик» [Спектор, Китсюз, 2001. С. 161]. Конструкционисты предлагают отказаться от идеи

социальных проблем как вида *условий* в пользу понимания социальных проблем как *риторики*. Спектор и Китсьюз определяют социальные проблемы как *деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий*. Социальные проблемы, с данной точки зрения, – это конструкции, создаваемые индивидами или группами, которые привлекают внимание общественности к тем или иным предполагаемым условиям или ситуациям и выступают с требованиями их изменения.

Ключевыми в данном определении социальных проблем являются понятия «выдвижение утверждений-требований» (*claims-making*) и «предполагаемые условия». *Выдвижение утверждений-требований*, то есть риторика требовательного характера, включает в себя, согласно Спектору и Китсьюзу, ответы на вопросы анкет или интервьюеров при обследованиях общественного мнения, обращения с жалобами и письмами протеста, предъявление судебных исков, выступления в парламенте, проведение пресс-конференций, «проблематизирующие» сообщения средств массовой коммуникации, проведение митингов, пикетов, демонстраций, маршей протеста, забастовок и т. д.

Социальные проблемы могут конструироваться и социологами в том случае, если их выступления и публикации, представляющие результаты исследований и интерпретацию этих данных, способствуют росту обеспокоенности общественности относительно какой-либо ситуации. Следует признать, впрочем, вслед за Г. Блумером, что в подавляющем большинстве случаев, напротив, обеспокоенность общественности заставляет социологов сосредоточиваться на исследовании тех или иных явлений.

Слово «*предполагаемый*» используется Спектором и Китсьюзом для того, чтобы подчеркнуть, что любое утверждение-требование выдвигается относительно условия, *предположительно* существующего. Сосредоточиваясь на анализе риторики требовательного характера, конструкционисты оставляют в стороне вопрос о том, являются ли выдвигаемые утверждения-требования верными или ошибочными, существует ли в действительности условие, относительно которого они выдвигаются, или нет. Они заявляют, что даже существование самого условия, относительно которого выдвигаются утверждения-требования, не имеет значения для конструкционистского анализа: «Мы не касаемся того, существует или нет предполагаемое условие» [Спектор, Китсьюз, 2001. С. 162]. Такую строгую конструкционистскую позицию вслед за Дж. Бестом называют *феноменологической версией конструкционизма*.

Менее строгой версией является так называемый *контекстуальный конструкционизм*, допускающий возможность рассмотрения социальных условий и ситуаций, относительно которых выдвигаются требования изменения, то есть обращения к социальному контексту конструирования социальных проблем. «Предположим, мы исследуем кампанию против “растущей уличной пре-

ступности». Чем могут объясняться эти утверждения-требования? Строгий конструкционист может отметить, что те, кто выдвигает утверждения-требования, ссылаются на более высокий уровень преступности или растущее чувство страха. Однако он будет рассматривать эти ссылки как часть утверждений-требований, не делая каких-либо допущений о том, что уровень преступности или страх перед преступностью действительно возросли. Контекстуальный конструкционист, напротив, может принять во внимание данные официальной статистики или обследований, измеряющих страх перед преступностью, даже если те, кто выдвигал утверждения-требования, никогда не обращались к статистике или обследованиям. Предположим, например, что те, кто выдвигает утверждения-требования, начинают кампанию против растущей преступности тогда, когда уровень преступности не повышается. Контекстуальный конструкционист может отметить это расхождение между утверждениями-требованиями и другой информацией о социальных условиях. В этом заключается ключевое различие между строгими и контекстуальными конструкционистами» [Бест, 2001. С. 169].

Конструкционизм предполагает принципиально иной набор вопросов для исследователя социальных проблем. Например, с позиций традиционного объективистского подхода к употреблению алкоголя как социальной проблеме важными являются вопросы о масштабах потребления алкоголя в обществе, социальных последствиях массового потребления алкоголя, причинах и факторах, способствующих возникновению этого явления, социальных функциях употребления спиртного, наконец о том, что могло бы способствовать сокращению потребления алкоголя. Конструкциониста же интересует, представляет ли массовое потребление алкоголя социальную проблему, то есть является ли это предметом беспокойства и обсуждения со стороны общественности, кто конструирует социальную проблему массового потребления алкоголя, то есть чьи утверждения-требования делают это предметом общественного внимания, каким образом конструируется данная проблема, насколько успешными являются попытки сконструировать данную проблему, как общественность и политики реагируют на утверждения о необходимости изменения ситуации.

Сильные стороны конструкционистского подхода. Конструкционизм как технология конструирования социальных проблем

Заслуга конструкционистов заключается в том, что разработанный ими подход позволяет проникнуть в природу крайне изменчивого общественного признания тех или иных ситуаций социальными проблемами. Один из основных вопросов в рамках конструкционистского подхода – почему одни ситуации вызывают беспокойство, определяются как проблемы и на-

ходятся в центре внимания политиков, журналистов, общественности в целом, а другие, не менее опасные и угрожающие, не проблематизируются? В современном обществе существует бесконечное множество ситуаций, которые потенциально могут иметь статус социальных проблем, однако лишь небольшое число в действительности достигает этого статуса. Конструкционисты, в частности С. Хилгартнер и Ч. Боск [Хилгартнер, Боск, 2000], утверждают, что социальные проблемы *конкурируют* между собой за то, чтобы попасть в публичную повестку дня. Эта конкуренция вызвана ограниченностью таких ресурсов, как *пропускная способность* средств массовой коммуникации, внимание и время политиков, а также внимание общественности. Повестка дня, устанавливаемая, в частности, политиками и средствами массовой коммуникации, неизбежно является ограниченной. Телевидение, радио, газеты, Интернет-сайты не могут сообщать обо всем, что происходит в обществе. Их пропускная способность ограничена минутами эфирного времени, газетными площадями, мега- и гигабайтами информации. Точно так же на заседаниях парламентских комитетов и комиссий, пленарных заседаниях парламента, заседаниях правительства и администрации президента обсуждается ограниченное число вопросов. Вследствие этого, в информационных агентствах, редакциях газет, телекомпаний, радиостанций, а также в парламентских комитетах, органах исполнительной власти различного уровня и т. д. постоянно осуществляется отбор социальных проблем, то есть принимаются решения о том, какие проблемы являются более важными в настоящий момент, заслуживают внимания, освещения, рассмотрения и, соответственно, тех или иных действий. При этом значительный успех какой-либо проблемы в этой борьбе обычно сопровождается вытеснением других социальных проблем на периферию или за пределы публичного дискурса. Так, в течение нескольких дней после совершения террористического акта или другого «громкого» преступления тема терроризма и преступности обычно доминирует в информационном пространстве, а сообщения о других социальных проблемах встречаются значительно реже.

Каким критериям должна отвечать социальная проблема для того, чтобы выигрывать конкуренцию с другими проблемами? Такими критериями, с конструкционистской точки зрения, являются драматичность, событийность (наличие информационных поводов), новизна, соответствие политическим интересам правящих элит и культурным предпочтениям и т. д.

Именно поэтому проблема смертности в результате ДТП проигрывает в конкуренции за место в информационном пространстве, формируемом средствами массовой коммуникации. Тяжелые ДТП происходят каждый день, таким образом, эта ситуация не соответствует критериям новостей, которые используются журналистами. Согласно С. Холлу, новости – это (а) интересные, необычные и / или значимые (б) события, (в) происшедшие за последние 24 часа [Hall, 1981. P. 147–156].

Эти же факторы – отсутствие драматичности, информационных поводов, несоответствие критериям новостей – действуют в отношении насилия в российских семьях, распространения ВИЧ/СПИДа, повсеместного нарушения прав военнослужащих, бездомности и беспризорности, курения, высоких уровней потребления алкоголя, численности и условий содержания заключенных и т. д.

Сильной стороной конструкционизма является также то, что данный подход может использоваться в области политики, включая социальную политику, и в сфере управления коммуникацией (PR) в качестве практического руководства по выдвигению утверждений-требований, своего рода *технологии конструирования социальных проблем*.

В рамках конструкционистского подхода предпринимались попытки обобщить опыт конструирования различных проблем и выработать некоторые общие стратегии выдвигания утверждений требовательного характера. В частности, Д. Лазик [Loseke, 1999. P. 81–93] указывает, что успешными, как правило, являются следующие стратегии конструирования социальных проблем, учитывающие критерии отбора проблем на аренах публичного дискурса:

(1) *Конструирование отличного в рамках знакомого*. Конструирование нового, отличающегося от других вопроса имеет важное значение, поскольку именно новое и необычное привлекает внимание аудитории, которая склонна испытывать скуку и апатию в отношении привычных социальных проблем. В то же время важно, чтобы это новое не было абсолютно новым. Аудитория любит новизну, но не любит, когда четкости и ясности ее мировоззрения угрожает что-то непонятное.

(2) *Конструирование индивидуальных причин проблемы*. Аудитории в целом интереснее информация об индивидах, чем о социальных причинах какого-либо условия.

(3) *Конструирование широко распространенного условия*. «В игре в социальные проблемы действует закон больших чисел: чем больше число жертв, порождаемых тем или иным условием, тем вероятнее, что аудитория будет оценивать данное условие как социальную проблему» [Loseke, 1999. P. 84]. Такой стратегии соответствуют, например, утверждения о том, что ВИЧ неразборчив в выборе своих жертв, или что каждый из нас может стать бездомным из-за тех или иных поворотов судьбы. Данная стратегия, указывает Д. Лазик, может обеспечить широкую поддержку кампании по конструированию социальной проблемы.

(4) *Конструирование «страшных» последствий*, представление проблемы как «кризиса», «эпидемии», «катастрофы». «Общее правило: чем больше страдают жертвы, тем эффективнее утверждение-требование» [Там же. P. 87].

(5) *Персонализация проблемы*. Как отмечает Э. Альберт [Альберт, 2000. С. 124–125], сообщения о болезни и смерти в 1985 году Рока Хадсона, киноактера, кумира Америки, персонализировали проблему СПИДа, сделав ее элементом непосредственной реальности для широкой американской общественности.

(6) *Конструирование простоты.* «Эффективная стратегия выдвижения утверждений-требований заключается в игнорировании сложности реальной жизни и конструировании условия и людей, затрагиваемых им, в простой и удобной для понимания форме» [Loseke, 1999. P. 88].

(7) *Конструирование проблемы в надлежащее время.* Иногда утверждения-требования выдвигаются в неподходящее время. Д. Лазик указывает, что можно провести очень крупный и успешный марш протеста, но не получить какого-либо освещения со стороны средств массовой коммуникации, если в этот же день в какой-то части страны бушевал ураган или какое-либо другое событие приковало к себе внимание журналистов.

(8) *Конструирование проблемы с учетом того, что большая часть сообщений большинства средств массовой коммуникации имеет развлекательный характер.* Использование данной стратегии фактически означает использование всех ранее перечисленных стратегий.

Разумеется, конструкционизм как технология конструирования социальных проблем может использоваться в различных целях. Эти цели могут быть гуманистическими: для того, чтобы вызвать определенные масштабные действия, направленные на улучшение положения тех или иных уязвимых групп (бездомных, людей с ограниченными физическими возможностями, людей с ВИЧ/СПИДом, заключенных, детей, подвергающихся жестокому обращению, и др.), *необходимо прежде всего сконструировать социальную проблему* – обратить внимание общественности и политиков на данную ситуацию, вызвать обеспокоенность, осознание необходимости принятия мер по изменению существующего положения.

В этом отношении интересен опыт других обществ, например, опыт успешного конструирования социальной проблемы значительного числа заключенных в Финляндии. Как отмечает Н. Кристи, долгое время Финляндия была среди северных стран страной тюрем [Кристи, 2001. С. 46]. В середине XX века число заключенных в этой стране на 100 тыс. жителей в 3–5 раз превышало число заключенных в Скандинавских странах. Однако в последние два десятилетия число заключенных в Финляндии резко сократилось, и в настоящее время по этому показателю финское общество занимает одно из последних мест в Европе. П. Торнудд объясняет это изменение тем, что благодаря упорной работе ряда экспертов большое количество заключенных в Финляндии стало восприниматься в обществе как проблема: «Возможность осуществить значительные реформы, направленные на уменьшение уровня наказаний, стала реальностью только благодаря тому обстоятельству, что небольшие группы экспертов, ответственных за планирование реформ или занимавшихся темой борьбы с преступностью в исследовательских институтах и университетах, были почти единодушны в убеждении: исключительно высокий по сравнению с другими странами показатель количества заключенных в Финляндии был позором; можно значительно сократить количество приговоров к лише-

нию свободы и сократить сроки наказания без ухудшения положения с преступностью... Благодаря усилиям группы деятелей, занимавших ключевые позиции, стало возможным осознать высокий показатель количества заключенных в Финляндии как проблему. И эта концепция в свою очередь привела к ряду практических действий, от реформы законодательства до решения мелких повседневных проблем, которые и дали конечный результат» [цит. по: Кристи, 2001. С. 49].

Вместе с тем очевидно, что технология конструирования социальных проблем может использоваться и с другими целями, например, с целью обеспечить себе победу на выборах. Одним из наиболее эффективных и часто используемых приемов предвыборной борьбы является конструирование той или иной социальной проблемы, «выгодной» для данного кандидата, то есть проблематизация какой-либо ситуации и убеждение избирателей в том, что именно данный кандидат способен эту проблему «решить» или способствовать существенному продвижению в ее решении. «Никогда заинтересованность политика в создании общественно значимых вопросов не является столь высокой, как в период выборов. Политик, который хочет быть избранным, должен создавать такие вопросы, в отношении которых он, а не его противник, занимает стратегически выгодную позицию» [Ross, Staines, 1972. P. 23]. Фактически конструирование социальных проблем является одной из наиболее эффективных PR-технологий.

Очевидным примером таких действий является избирательная кампания В.В. Путина в 1999 и начале 2000 года, проходившая на фоне «антитеррористической» операции в Чеченской Республике. В своем «Открытом письме к российским избирателям» Владимир Путин описывает операцию федеральных сил в Чеченской Республике и заявляет: «Думаю, я объяснил, каким именно образом можно и нужно решать другие тяжелые проблемы. Жизнь сама подсказывает: только открыто приняв вызов – можно победить» [Путин, 2000]. В ходе следующей избирательной кампании 2004 года ситуация в Чеченской Республике, напротив, старательно дедраматизировалась, а любые сообщения о боевых столкновениях, жертвах среди российских военнослужащих, а тем более среди мирных жителей, попросту блокировались и не попадали в «повестку дня» телевизионных выпусков новостей.

Конструкционистский подход в российской социологии

Уже очевидно, что конструкционистский подход способствовал возникновению эмпирически плодотворной традиции изучения социальных проблем, при этом данная традиция не является исключительно американской. В последнее десятилетие конструкционистский подход все чаще используется российскими социологами. Примером конструкционистских

исследований являются, в частности, работы Г.В. Еремичевой и Ю. Симпуры [Еремичева, Симпура, 1995; Еремичева, Симпура, 1999; Симпура, Еремичева, 1997; Симпура, Еремичева, 1999]. В то же время его применимость вызывает ожесточенные споры. Нередко конструкционистские идеи подвергаются жесткой критике, которую не всегда можно признать обоснованной. Примером подобной критики является статья В.Н. Мининой «Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций» [Минина, 1998. С. 74–90]. Обзор подходов к социальным проблемам, предлагаемый в этой работе, грешит явными искажениями сути некоторых концепций и непоследовательностью в их оценке. Так, критикуя объективистский функционалистский подход к социальным проблемам, автор опирается на идеи конструкционистов М. Спектора и Дж. Китсьюза и делает вывод об уязвимости функционализма [Там же. С. 79]. Впоследствии объектом критического рассмотрения становится уже конструкционизм. Однако при внимательном прочтении соответствующего раздела работы В.Н. Мининой обнаруживается, что критика конструкционистского подхода подменяется всего лишь описанием сущности критикуемого ранее противоположного объективистского подхода к социальным проблемам. Предлагаемое понимание социальных проблем – как объективно возникающих противоречий между сущим и должным – вызывает следующие вопросы. Каким образом возможно определение того, что есть «должное»? Выполнима ли эта задача в рамках социологической науки, стремящейся к ценностной нейтральности? Очень спорным представляется и отнесение конструкционизма и марксизма к одной традиции понимания социальных проблем [Там же. С. 84–85]. В целом, В.Н. Минина следует традиционной отечественной трактовке социальных проблем как социальных противоречий. Однако в конце работы под социальными проблемами автор предлагает понимать также отклонения и нарушения нормального функционирования и развития социального объекта [Там же. С. 89], то есть вновь возвращается к функционалистской позиции. Если В.Н. Минина придерживается объективистского – марксистского или функционалистского – подхода к социальным проблемам, то совершенно непонятно, почему на протяжении всей статьи делаются ссылки на конструкционистов и даже используется их терминология («процесс конструирования социальных проблем» [Там же. С. 83]). Все это позволяет сделать вывод о противоречивой позиции автора.

О. Бойко, не отрицая достоинств конструкционистского подхода, в особенности его контекстуальной версии, выступает за мультипарадигмальный подход к анализу социальных проблем [Социальная... 2002. С. 28–37]. Однако традиционный (функционалистский) и конструкционистский подходы к социальным проблемам в принципе несовместимы. Спорным представляется также утверждение О. Бойко, согласно которому одним из преимуществ традиционного позитивистского подхода к социальным проблемам является то,

что «в его рамках предлагаются наиболее ясные объяснения социальных явлений как проблемных, а также то, что он предлагает убедительные аргументы, способные направлять политику и убеждать публику» [Там же. С. 34]. Такого рода «преимущество», очевидно, может иметь значение лишь за пределами научной сферы.

Признает вклад конструкционистского подхода в изучение социальных проблем и О.И. Иванов в своем «Введении в социологию социальных проблем». Он указывает, что одним из признаков социальной проблемы является «наличие оценки каким-либо общественным субъектом существа и меры негативного воздействия социальной среды или ее отдельных компонентов на жизненную ситуацию конкретной группы, общности» [Иванов, 2003. С. 15]. «Важнейшей составляющей такой оценки является утверждение о нетерпимости положения дел и формулировка требований по их изменению» [Там же]. Тем не менее О.И. Иванов, подобно О. Бойко, выступает за комплексный подход, совмещающий «анализ объективных условий и субъективной деятельности» [Там же. С. 22]. Сходную промежуточную позицию между традиционными и конструкционистским подходами занимает и А.В. Соловьев [Соловьев, 2000. С. 324–328].

В целом, большинство российских социологов по-прежнему осознанно или неосознанно используют традиционные (функционалистский или марксистский) подходы к социальным проблемам или пытаются совместить объективистские и конструкционистские идеи.

Все сказанное в отношении конструкционистского подхода не означает, что ему нет альтернативы. Разумеется, можно и нужно изучать преступность, коррупцию, употребление наркотиков, психические заболевания, бедность, безработицу, бездомность, беспризорность, положение людей с ограниченными физическими возможностями, беженцев и вынужденных переселенцев, загрязнение окружающей среды как социальные условия, не следует лишь оперировать при этом термином «социальная проблема». Если же исследуется *социальная проблема* преступности, *социальная проблема* бездомности и т. д., то здесь приоритет, несомненно, за конструкционистским подходом. По крайней мере, с ним уже нельзя не считаться – начиная со второй половины 1980-х годов именно конструкционизм определяет то направление, в котором развивается в настоящее время социология социальных проблем.

Список литературы

Альберт Э. СПИД и пресса: создание и трансформация социальной проблемы // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 115–138.

Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности – II. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 164–175.

Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности – II. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 150–159.

Домашнее насилие в отношении женщин: масштабы, характер, представления общества. М.: МАКС Пресс, 2003.

Еремичева Г. В., Симпура Ю. Грязь: символические и практические измерения социальных проблем в Санкт-Петербурге // Мир России. 1995. № 2. С. 179–189.

Еремичева Г. В., Симпура Ю. Недоверие как социальная проблема современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 4. С. 145–159.

Иванов О. И. Введение в социологию социальных проблем. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2003.

Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед, к Гулагу западного образца. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001.

Минина В. Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 3. С. 74–90.

Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 2. С. 84.

Общее количество ДТП, число погибших и раненых за 2002 год // <http://www.gibdd.ru/id4/982.gpml> (31.01.2004).

Общее количество ДТП, число погибших и раненых за 2003 год // <http://www.gibdd.ru/id4/1214.gpml> (31.01.2004).

Осинов Г. В. Российская социология в XXI веке. М., 2003.

Офитова С., Уколов Р. Статистика ужасающая, прогноз мрачен // Независимая газета. 2003. 18 сент.

Официально зарегистрированные случаи ВИЧ-инфекции в РФ: 1 января 1987 – 12 января 2004 года (по данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом) // <http://www.afew.org> (16.03.2004).

Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 7–11.

Путин В. В. Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям // Известия. 2000. 25 февр.

Симпура Ю., Еремичева Г. В. От грязи к преступности: динамика восприятия социальных проблем населением Санкт-Петербурга // Мир России. 1997. № 2. С. 163–182.

Симпура Ю., Еремичева Г. В. Социальные проблемы повседневной жизни и восприятие их петербуржцами // Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев. СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 224–247.

Соловьев А. В. О природе социальных проблем // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 324–328.

Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 28–37.

Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 160–163.

Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 18–53.

Hall S. A world at one with itself // *The Manufacture of News: Social Problems, Deviance and the Mass Media* / Ed. by S. Cohen, J. Young. Beverly Hills: Sage, 1981. P. 147–156.

Loseke D. *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives*. N. Y.: Aldine de Gruyter, 1999.

Ross R., Staines G. *The Politics of Analyzing Social Problems* // *Social Problems*. 1972. Vol. 20.

Spector M., Kitsuse J. *Social Problems: A reformulation* // *Social Problems*. 1973a. Vol. 20. P. 145–159.

Spector M., Kitsuse J. *Toward a Sociology of Social Problems: Social conditions, value judgments, and social problems* // *Social Problems*. 1973b. Vol. 20. P. 407–419.

Spector M., Kitsuse J. *Constructing Social Problems*. Menlo Park, Calif.: Cummings, 1977.

Искандер Габдрахманович Ясавеев
к. с. н., доцент кафедры социологии,
Казанский государственный университет

электронная почта: yasav@ksu.ru
